

КИРА

Где ШЕПЧЕТ
ОПАСНОСТЬ

МОЛОДЕЖНАЯ ПРОЗА

Кира Хо

Где шепчет опасность

<https://litres.ru/74213059>

Аннотация

– Окружающие умирали и за меньшее, – угрожающим рыком произносит он, вновь сокращая между нами расстояние. – За то, как ты смотришь, можно сделать многое.

Его огромное тело нависает надо мной. Я вновь слишком отчётливо вдыхаю его аромат, но, видимо, из-за злости и боли, он больше не опьяняет меня. Наоборот, распаляет мою ярость ещё больше.

– Попробуй сделать хоть что-нибудь, – шиплю в ответ.

И тут же вскрикиваю, когда Дамиан одним резким движением хватает мои волосы на затылке, оттягивая их вниз. Запрокидываю голову, продолжая смотреть на него, но на место злости приходит страх, когда я вижу, как его синие глаза заливаются серебристым светом, становясь цветом металла.

– Как только ты выполнишь свою функцию, я обязательно покажу тебе всё на что хватит моей фантазии, – рычит он. – Запомни этот вкус: это последний раз, когда ты пробовала кого-либо. Потому что с этого момента ты – моя собственность.

Меня выдают замуж за монстра против моей воли.

Я готова на всё, чтобы этот брак не состоялся, даже стать “грязной”, но чёртова метка портит все мои планы.

Теперь я принадлежу ему. Только вот я всё равно буду сопротивляться.

фиктивный брак жестокий герой истинная пара нежная героиня, но с "зубками"

Книга участвует в литмобе "Во власти альфы":

Содержание

Пролог	5
Глава 1. На убой	8
Глава 2. Склони голову	14
Глава 3. Моя собственность	23
Глава 4. Выбора нет	30
Глава 5. У неё нет выбора	35
Глава 6. Вот и проверим	41
Глава 7. Истинность – это не про слабость	47
Глава 8. Слабая точка	53
Глава 9. Золотая клетка	58
Глава 10. Вопреки здравому смыслу	66
Глава 11. Я слов на ветер не бросаю	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Пролог

Из-за слёз и первобытного страха я даже не различаю дороги. Есть только я, салон авто и он, сидящий за рулём, от которого исходит такая бешеная энергетика ярости, что открыть рот – значит подписать себе смертный приговор.

Мне не хватило часа. Максимум двух. И тогда я была бы свободна от этих пут, которыми нас пытались связать. Вот только появилось маленькое “но” – метка. И, возможно, сейчас надо думать о том, куда Дамиан меня везёт и зачем, но я тупо жалею себя.

Даже не различаю сколько проходит времени, просто периодически поглядываю на часы.

Пять минут. Пятнадцать. Двадцать. Пол часа.

Ещё через десять минут внедорожник тормозит у большого дома, который в ночи кажется готическим, но это не их родовое поместье. Дамиан молча глушит движок, выходит из машины и молниеносно обходит её. Открывает дверь, а в следующую секунду я чувствую жгучую хватку на своём предплечье и практически вылетаю из салона.

Он идёт к дому так быстро, что я не успеваю за ним, то и дело спотыкаясь, а почти у самой двери он волочет меня по земле. Ноги обжигает от царапин, которые оставляют мелкие камушки, я скулю, но ему всё равно.

– Отпусти меня, – голос срывается на рыдания. – Отпусти

же, – брыкаюсь.

Дамиан останавливается, расцепляет пальцы, а я остаюсь лежать на земле. Протяжно выдыхаю, действительно веря, что он оставил меня в покое, но – будто я много прошу у вселенной – Дамиан присаживается на корточки, резко хватая меня за волосы, натягивая их до предела. Настолько, что слёзы новым потоком рвутся из меня.

– Заткнись, пока я не прибил тебя, – рычит в моё лицо. – Ты ведь этого хотела, там, в баре. Хотела, чтобы тебя кто-то трахнул, забытая наследница. Так я тебе с этим помогу, – припечатывает с самодовольной ухмылкой.

А затем встаёт, не отпуская моих волос, и уже за них, за-таскивает меня по ступеням.

Бормочу что-то несвязное, прошу отпустить меня и одновременно хватаюсь за его запястье, пытаюсь подтянуться, но руки словно мне не принадлежат.

Ничего больше мне не принадлежит. Даже я сама.

В какой-то момент стоит нам попасть в дом, от моих брыканий меня ведёт, и я встречаюсь головой с косяком двери. В глазах темнеет, но я быстро прихожу с себя, стоит только почувствовать что-то мягкое под собой.

Шире распахиваю глаза, наблюдая Дамиана, который растёгивает пуговицу и молнию на своих штанах. Паника новой, ещё более оглушающей, волной накатывает на меня, и я пытаюсь отползти назад, но его крепкие пальцы мёртвой хваткой впиваются в мои лодыжки и дёргают на себя.

– Ну куда же ты, Инфанта, – оскал с его лица не сползает.
– Я лишь выполняю твоё желание, – рычит, наклоняясь к моему лицу.

А затем его пальцы перемещаются с одной ноги на вырез блузки и резко дёргают. Пуговицы со звоном разлетаются в разные стороны. И этот звук похож на похоронный марш.

По телу проходит нервный импульс, из-за которого я тут же прикрываюсь рукой, когда прохладный воздух касается кожи и груди, но Дамиан не даёт мне закрыться. Его рука моментально обхватывает моё горло, сжимая и вынуждая меня обеими руками ухватиться за его запястье. Его взгляд уже давно не голубой. Он серебристый, глубокий и слишком тёмный. А то, что я чувствовала в машине ничто по сравнению с тем, что ощущаю сейчас. Кажется, он на грани от того, чтобы убить меня.

– Или это сделаю я, или я позову своих друзей и такая честь достанется им, а после я заживо сниму с твоей руки эту метку и избавлюсь от тебя, как от той, кто испачкал свою и мою честь, – слишком тихо произносит у моего уха.

– Если умру я, то умрёшь и ты, – хриплю, когда хватка становится сильнее.

– Вот и проверим, Благоверная.

Глава 1. На убой

Верити

Смотрю в зеркало и кружится голова от того, как часто мимо пробегают мамы. То ей просто необходимо собрать мои светлые волосы в высокую причёску, то она снова их распускает, раскидывая пряди по острым плечам. Иногда притормаживает, чтобы оглядеть меня с ног до головы и недовольно цокнуть языком, потому что я надела широкие, светлые джинсы и белый топ, вместо платья, которое хотела она.

– Мам, ну хватит, в самом деле, – теперь уже я фыркаю, чувствуя, что начинаю раздражаться. А для меня скачки эмоций всегда заканчиваются не очень хорошо.

– Верити, ты ведь понимаешь, как это важно? – очередная попытка достучаться до моей совести.

– Да, мам. И с первых пятисот раз я поняла, честно, – устало выдыхаю и всё же отхожу от зеркала, усаживаясь на край кровати. – Но понимать и принимать – не одно и то же.

В ответ мать недовольно бурчит, а после выходит из комнаты.

Упираюсь локтями в колени и тру ладонями лицо, пытаюсь хоть немного собрать свою волю воедино, потому что, очевидно, нервничаю. И эти нервы не из разряда предвкушения: это скорее полное отторжение ситуации.

Почему? Потому что меня везут на, так называемое, знакомство. Хотя всем давно ясно, что меня просто продают. Ведь – как мне любят напоминать всю мою жизнь – я такая редкая Омега, рождённая от крови Альфы. Правда, когда распределяли силу и скорость, природа решила, что мне не надо и мне не устают на это указывать, особенно когда речь заходит о нашей династии. По факту же мы – семья, чей бизнес и влияние уже давно не такие, как прежде, и, чтобы хоть немного выправить ситуацию, меня выдают замуж за одного из сынков местных важных семейств.

На весь наш огромный мегаполис таких семей четыре. Когда-то давно все они воевали между собой, пока три семьи практически не истребили друг друга, и вот тогда у глав семейств хватило ума собраться и разделить территорию, чтобы как можно меньше пересекаться. Так и получились четыре “династии”. Одна – ещё совсем молодая и недавно образовавшаяся – та, у которой нет необходимости доказывать свою силу и власть, потому что им даже пытаться нет смысла. Они заняли нишу торговли и процветают, не мешая другим, хотя и набирают силу слишком очевидно для всех вокруг. У них во главе Альфы, которые стали ими не от крови. Просто – пух-ф – и родились таким от Беты и человека.

Ещё двое – верхушка айсберга. Гранты – чья задача служить и защищать или простыми словами: им позволено всё, ведь вся служба безопасности и вместе с тем все отрасли гостинично-ресторанного бизнеса – их часть города.

И Дэвисы – в рядах которых не найдётся ни одного человека, только если среди обслуживающего персонала, потому что там всё поголовно с геном хищника. И хотя их немного, но даже сильнейшие не станут оспаривать их силу. Им принадлежит вся политическая сфера и, насколько мне известно, развлекательная, по типу казино и баров, но это, в основном, прихоть наследника. Того самого, которому меня ведут на смотрины.

Дамиан Дэвис... я столько слышала о нём, пока училась в закрытом пансионе для девочек. Властный, наглый, жестокий. Собрал всё по списку самых “лучших” качеств Альф. А как иначе, когда ты первый сын, первого сына? Да ещё и Альфа от Альфы.

– И как я вообще умудрилась в это вляпаться? – тихо выдыхаю, глядя в пол.

– Ты должна быть рада такому раскладу, Рита, – говорит мама, появившись из ниоткуда. – Мало того что судьба наградила тебя редким геном, так ещё и самый желанный наследник желает найти себе...

– Инкубатор, – заканчиваю за неё. – Называй вещи своими именами, мам. Появляются новые фамилии и “старенькие”, – сжимаю указательный и средний палец в воздухе на последних словах, – чувствуют, что запахло жареным. А я та, кто точно выдаст на свет Альфу и укрепит позиции.

– Ты должна быть благодарна, – хмурится мать.

– Да я всю жизнь слушаю это, – всплёскиваю руками, вска-

кивая на месте и ощущаю, как кровь по венам разгоняется от злости. – Только у меня-то другие планы на жизнь. Были, по крайней мере. Да и будем честными: от моих генов не сказать, что много толка.

– Ну и чего ты добиваешься своим протестом? – светлые брови матушки сходятся на переносице, а руки упираются в бока. – Хочешь, чтобы твой отец это всё услышал? Ты ведь знаешь, что он будет недоволен.

Поджимаю губы, вмиг остывая. Не потому, что боюсь отца, ведь знаю – мне он не сделает ничего, а вот маме... с ней он никогда не был нежен и чуток. Ведь мама обычная Бета. Одна из многих, кто пытался подарить отцу наследника. Только вот проблема в том, что ни у кого не вышло: мальчики либо умирали в утробе, либо при рождении. И получилась только я. Та, рождению которой изначально не были рады, пока в пять лет не проявился ген Омеги. Вот тогда-то лицо моего отца озарила довольная улыбка, ведь Омега – настолько редкое явление, да и вдобавок та, кто сделает всё, чтобы уберечь свою мать – лучшее, что может случиться. Особенно, если учитывать, что Филипп Нави мелкими шажками подходит к банкротству.

И вот мне двадцать – тот самый момент, когда у женщин с геном хищника может проявиться метка, а значит, они способны произвести на свет потомство. Как раз вовремя, чтобы получить выгоду от моего существования. Уверена, он отсчитывал секунды до того дня, когда я войду в подходя-

щий возраст. До сегодняшнего дня.

– Рит, это просто смотрины, – мама делает несколько коротких, но резких шагов ко мне, отчего её светлые – такие же как мои – волосы чуть разлетаются в стороны. – Стандартный ритуал, чтобы проверить истинность. И если её нет, а её с вероятностью девяносто девять процентов не будет, то не факт, что Дамиан согласится на брак. Сделай это, чтобы успокоить своего отца.

– Мам, – хмурюсь, вытаскивая руки из карманов, и беру её ладони в свои. – Откажется он и папа найдёт другого.

Она поджимает губы, проглатывая слова, потому что знает, что я права. Молчит, глядя в мои глаза, а после выдавливает короткую улыбку, давая понять, что разговор окончен. Всё. Право слова в этот момент у меня отобрали окончательно. Хотя сомневаюсь, что оно вообще когда-то было.

– Если ты готова, то нужно ехать, – еле заметно встряхивая головой, говорит матушка и уплывает обратно к двери, вырываясь из моей хватки.

– На убой, – тихо проговариваю.

– На встречу, – поправляет она меня. – И накинь что-то на плечи, а то выглядишь, будто сбежала из спортзала.

Не отвечаю. Только качаю головой и оглядываюсь по сторонам. Надевать пиджак для этого наследничка будет слишком жирной подачкой, а потому просто быстро переодеваюсь из топа с белую укороченную кофточку и затем быстрым шагом иду на выход.

На собственную казнь.

Глава 2. Склони голову

Верити

В машине царит полнейшая тишина, только отец периодически отдаёт какие-то поручения водителю, полностью при этом игнорируя моё присутствие и мой недовольный взгляд. Маму, конечно же, со мной не пустили. Где это видано, чтобы Бета приходила на встречу Альф, да ещё и под таким глупым предлогом. Было бы другое дело, если бы матушку с отцом связывала истинность, но, увы...

Сейчас мне предстоит то же, что когда-то проходили они – ритуал на метку. О, про него я слушала лет с пятнадцати, и каждый раз мама рассказывала об этом с таким восхищением, что морщиться в отвращении, просто на просто, вошло в привычку при малейшей мысли об этом действии.

А почему?

А потому что совсем скоро мне нужно будет вскрыть свою руку, влить немного крови в чашку, а потом туда же свою добавит Дамиан, и мы это выпьем. Но самый сок в том, что если метка есть, то проявится она с ближайшим полнолунием и хвала всем, что следующая полная луна через пару дней: мучится в неизвестности придётся недолго.

Раньше всё было гораздо проще и не так вычурно: кусь-кусь и всё, попробовали ДНК друг друга. Но время идёт, это

растёт, так что теперь всё решает чаша.

– Держи язык за зубами, Верити, – пренебрежительно бросает отец, поправляя манжеты. – Ты гость, так что веди себя подобающе.

Мой отец никогда не славился всепоглощающей любовью ко мне, но и никогда не поднимал на меня руку, чего не скажешь обо всех остальных. Жёсткий, жестокий, не терпящий, когда ему противоречат. Смотрю на него и осознаю, что внешне мы очень даже похожи, не считая моих голубых глаз и светлых волос, которые достались мне от мамы. А вот лицо – да. Тот же раскосый разрез глаз, пухлые губы и острые скулы.

– Я блюдо, товар, кусок мяса, которое ты продаёшь, но никак не гость, – дёргаю верхней губой от психа, не отводя взгляда от отца.

– Называй это как хочешь, главное – молчи и делай все, что скажут.

Хочу ответить что-то колкое, чтобы показать ему, что я не сдаюсь просто так, но вместо этого прикусываю щеку изнутри до острой боли, напоминая сама себе, что за всё придётся отвечать маме. Отворачиваюсь к окну, наблюдая, как на небе собираются тёмно-серые тучи, перекрывая закатное солнце, а воздух, сквозящий из приоткрытого окна, становится влажным, тяжёлым. Обонянием чувствую, что скоро начнётся первая летняя гроза. Этот запах ни с чем не спутать: молния пахнет как свобода.

– Его мать ведь тоже Омега? – прерываю тишину, чтобы немного разрядить обстановку, хотя бы в салоне авто.

Отец кивает, а затем, будто сжалившись, ровным тоном говорит:

– Последняя за несколько десятилетий. Не считая тебя, – на последней фразе его немного перекашивает.

Ну конечно, он же знает, что я Омега лишь отчасти, но этого вполне хватит для выдачи здорового, мощного потомства. Просто из-за моей “косячности” отец страдал как никто другой, ведь пока я не научилась контролировать свой природный магнетизм, который раскрылся к тринадцати годам и, по идее, должен быть периодическим, он был вынужден убрать всех мужчин из семейного особняка. Особенно хищников, ведь даже если я закрывалась в своей комнате, они чувствовали мой запах. Только отец, как обладатель мощного гена хищника мог держать себя в руках. И когда стало ясно, что у меня это не раз в месяц на несколько дней, то начались поиски способов это глушить. Собственно, это одна из причин, почему мне нельзя терять контроль над эмоциями: в ту же секунду теряется контроль над запахом.

В пятнадцать я с этого смеялась, а сейчас понимаю, что всё могло закончиться трагедией, потому что хищник, который идёт на запах – теряет всякую связь с головой.

Меня скрывали. Очистили дом под предлогом плохого самочувствия матери – на которую отцу было плевать – и искали способы “исправить” меня. Лишь единицы знали о том,

что дочь Нави Омега, а когда всё немного устаканилось, отправили в закрытый пансион для девочек. Не исключая, что и среди них были такие же, как я.

— Возможно, истинность или потомство поможет заблокировать то, что из тебя хлещет фонтаном, — бросает отец через какое-то время, а я морщусь от его тона.

— А у Дэвисов есть метка? — задаю ещё вопрос, на который и так знаю ответ, лишь бы разрядить гнетущее молчание.

— Серьёзно хочешь обсудить это? — вскидывает бровь отец.

Неопределённо качаю головой, но всё замолкаю. Ненадолго.

— Ты жалеешь, что у вас с мамой нет метки? — тяну задумчиво.

Лицо отца вытягивается, но он ничего не отвечает, однако от меня не ускользает, как он в очередной раз морщится.

Когда мы подъезжаем к особняку Дэвисов, я чувствую присутствие Альфы, прежде чем машина останавливается, а мы выходим. Но как только водитель открывает мне дверь и я оказываюсь на улице, то словно по команде опускаю голову и глаза в пол, чтобы не пересекаться взглядами с главой семейства Дэвисов. Так работают чёртовы гены — склониться перед сильнейшим, пока он не позволит взглянуть на себя. Я прям рада, что с родным отцом это не работает, а то, чувствую, шея бы затекла.

Не вижу, но улавливаю шевеления, а после слышу голос

отца:

– Давно не виделись, Майкл.

– Даже слишком, – ещё один мужской голос. Низкий, грубый, пробирающий до костей. – Это Сара – моя жена.

– Очень приятно, – отец говорит это слегка удивлённо, но судя по интонации, старается не показать вида. – Моя дочь Верити.

Всё ещё смотрю в тёмный асфальт, хотя мне до чёртиков хочется посмотреть, чему там удивился отец. Но как только в поле моего зрения появляются носки дорогих ботинок – напрягаюсь всем телом, потому что под кожу словно резко загнали тысячу иголок и все они попали чётко в нервы.

– Подними голову, девочка, – обращается ко мне всё тот же низкий голос, а после властные пальцы обхватывают мой подбородок и немного приподнимают моё лицо.

Стоит только столкнуться со взглядом синих глаз, как желудок тут же скручивает от страха. Он... красив, несмотря на то, что годы буквально с силой отпечатались на его лице. В мелких морщинках под глазами, между бровей и у носа. Видимо, морщится он так же часто, как мой отец. Его глаза будто пытаются проникнуть в душу, а пухлые губы растягиваются в еле заметной улыбке. Даже седина на висках, которая словно затерялась среди тёмных коротких волос, идёт ему.

Буквально задерживаю дыхание, пока Дэвис-старший стоит так близко и молча оглядывает меня с ног до головы, но

стоит ему сделать шаг назад, как воздух вылетает из моих лёгких. Увожу взгляд в сторону и натываюсь им на... совершенство. За спиной Майкла Дэвиса стоит невероятно красивая женщина с чёрными, длинными, прямыми волосами и хищным взглядом. Сначала я думаю, что вижу на её запястье браслет и только потом понимаю, что это нечто вроде татуировки. Точно такая же татуировка украшает руку Майкла. Метка.

Девочки в пансионе часто обсуждали их, показывали фотографии своих родителей и каждая как одна мечтали когда-то найти своего истинного. Все, но не я. Даже тут вышла косячной.

Сара одета в простое чёрное платье в пол, и единственное, что выдаёт её статус – глаза, которые направлены чётко на моего отца. Вот что его так удивило – женщина, которая не склонилась перед ним.

Чувствую, как голова снова тянется к земле, но она приподнимает руку ладонью ко мне и коротко говорит:

– Не нужно.

И я снова протяжно выдыхаю.

– Ну что, не будем задерживать друг друга? – спрашивает Майкл и, не дожидаясь ответа, разворачивается на пятках, а после идёт к входу в особняк.

Хотя я бы назвала его дворцом. Он растягивается в разные стороны так, что в темноте я даже не могу сказать наверняка, есть ли у этого трёхэтажного здания конец. Тёмный

камень, по которому со всех сторон тянутся ветви плюща, почти чёрная черепица, на которой, как я думаю, в ясные ночи отливает луна.

Вот этим Дэвисы и славятся. Вся стая живёт в одном доме. Но, уверена, для главной семьи выделено отдельное крыло.

Мы с отцом следуем за Майклом, пересекая коридор за коридором, и, признаюсь, я уже заблудилась, так что просто сдаюсь и иду, куда ведут. Даже пространство не оглядываю, отсчитывая секунды до конца этого представления, но как только мы, наконец, задерживаемся в просторном помещении, тут же наостряю уши, чтобы уловить что-нибудь интересное.

– Дамиан вернулся? – спрашивает Майкл у какого-то парня, который возник из ниоткуда, как только мы зашли в комнату.

– Да. Позвать?

– И пусть поторопится, – кивает Дэвис-старший.

Парень мгновенно скрывается за дверью, а Майкл переключает своё внимание на моего отца, уводя его куда-то в сторону.

Чувствую себя... будто меня как собачонку бросили и мне бы искать поддержки у Сары, но, судя по виду, она не из тех, кто охотно заводит друзей. Да и... не стоит.

Наконец, оглядываюсь по сторонам. Такой роскоши я никогда не видела. Обстановка светлая, простая, но каждая деталь, будь то бра, ковёр или картина буквально вопят о со-

стоянии, вложенном в них.

Я не жалуясь. Мы живём не бедно, но практически каждый новый день – испытание для моего отца. Да только он никогда не объявит это во всеуслышание. Немыслимо. Отчасти я понимаю, почему он так горит мыслью отдать меня Дэвисам. Уверена, они готовы заплатить одним из бизнесов, чтобы Омега была в их числе. Ещё одна. Тогда точно никто не подумает о попытке их сдвинуть.

Пока хожу, поражаясь новейшим технологиям, думаю. А ведь я действительно сейчас нахожусь в логове тех, кто безнаказанно может творить разные вещи. Я знаю, что младший брат Майкла – губернатор нашей области. И до этого дня мне было дико интересно, почему не старший. А теперь я понимаю. Майкл настолько плотно сидит в своей “нише”, что ему просто нет нужды прыгать в политику. Он скорее та сама тень, что управляет губернатором.

Мужчины о чём-то говорят, но я даже не слушаю, поглощённая своими раздумьями. Сара просто сидит на диване, попивая вино из бокала на высокой ножке, и очень умело делает вид, словно меня здесь нет. А вот появление наследника становится очевидным ещё до того, как тяжёлые резные двери открываются: главы семейства практически в унисон встряхивают головой, а мы с Сарой – которая тут же встала с дивана – наклоняем голову. Я. И Сара тоже. Она не склонилась перед моим отцом, но сделала это перед собственным сыном. И теперь меня мучает вопрос: что это, чёрт возьми,

такое?!

Эта книга участник Литмоба "Во власти Альфы"

<https://litnet.com/shrt/Zpu0>

Глава 3. Моя собственность

Верити

Ощущение, будто за рёбрами разливают раскалённый металл, который растекается мелкими больными каплями. А ещё... внутри гуляет страх. Неконтролируемый и дикий. Такой, какого прежде никогда не было.

Шестым чувством улавливаю, как Дамиан проходит вглубь комнаты. Молчит, лишь лениво шагает. Этого не видно, но судя по поступи, он вообще никуда не торопится. И вместо того, чтобы сразу подойти к старшим Альфам, он идёт к матери.

Странное состояние, словно внутри меня установили инфракрасный датчик, которой воплем реагирует на каждое его движение. Сердце тут же разгоняется, пытаюсь выпрыгнуть наружу, а после начинается дрожь в руках, из-за которой я даже не сразу понимаю, что мой отец уже стоит позади меня.

– Ты фонишь, Рита, – тихо рычит у моего уха. – Возьми себя в руки.

Нервно киваю, проглатывая болючий, ком в горле, но даже после этих слов у меня не хватает сил взять себя в руки.

– Расслабься, мам, – слышу третий мужской голос и от него мне не по себе.

Потому что он... тягучий, низкий, хриплый. Такой, который вынуждает рефлекторно предпринять попытку поднять голову. Впрочем, проваливается она с оглушительным треском. Точнее, с острой болью в висках.

Гипнотизирую пол, слушая возню вокруг, моргаю часто, словно это может помочь избавиться от головной боли, но думаю лишь о том, что хочу увидеть его. Будто на подсознательном уровне мне больше ничего не надо, и от этого я ощущаю себя тряпкой, которая растеклась перед Альфой так же, как и все остальные. Даже злюсь на себя, сжимаю пальцы в кулак, до боли впиваясь ногтями в кожу, но ровно до тех пор, пока всё движение не переходит ближе ко мне. И из-за этого я задерживаю дыхание, переставая шевелиться.

Мой отец стоит рядом со мной и чуть позади, а перед моими глазами теперь сверкают белоснежные кроссовки, за которыми чуть в отдалении виднеются все те же мужские ботинки и женские туфли. Не знаю, как правильно описать, что я чувствую из-за его присутствия рядом... это страх вперемешку с предвкушением и дикое желание обратить все его внимание на себя, в одном флаконе.

Всё ещё не шевелюсь, даже когда Дамиан наклоняется ближе и с шумом вдыхает воздух у моих волос. А я... всё же не сдерживаюсь и тоже пытаюсь уловить его запах. Именно пытаюсь, потому что вместо того, чтобы заполнить лёгкие, он будто физически расползается под кожей. И из-за этого его хочется ещё и ещё. Настолько, что стоит Дэвису-младше-

му отдалиться, я ещё несколько сантиметров тянусь вслед за ним, но вовремя останавливаю саму себя и опять замираю.

– Почему я чувствую её запах? – конечно же, Дамиан спрашивает не про парфюм и явно не у меня.

– Это с рождения. Она умеет его контролировать, просто сейчас волнуется, – отвечает отец.

– Тем лучше, сын. Значит, она, способная зачать в любой день месяца, – встречает Майкл, а меня в очередной раз косит оттого, что меня опять считают бестолковым инкубатором.

– Подними лицо, – звучит хриплый бас.

В голове что-то щёлкает, но вопреки своим желаниям, не поднимая голову так резко, как хочется. Делаю это медленно, с опаской. Будто увижу перед собой монстра, того самого, о котором с придыханием рассказывали другие девушки.

Наши глаза пересекаются, но на его лице ни один мускул не дёргается, в то время как я пытаюсь поймать собственное сердце. Острые черты лица, пухлые губы и полностью безразличный взгляд синих глаз в обрамлении пышных чёрных ресниц, слегка прикрытый короткими тёмными прядями, спадающими на его лоб. Смотрит так, словно перед ним кусок мяса. Хотя, думаю, на стейк он смотрел бы с большим интересом. А ещё, кажется, я вижу, как его верхняя губа слегка дёргается в отвращении.

– Она чистая? – Дамиан отводит взгляд от меня и смотрит на моего отца. Он общается с ним на равных, и папа даже не

фыркает на это.

– Абсолютно, – безропотно отвечает отец.

А я даже не соображаю, как хмыкаю на эту реплику. Уж ему ли говорить о чистоте...

Все в комнате игнорируют звук, который я издаю, и лишь с замиранием ждут. Чего? Видимо, вердикта младшего Альфы. И я снова чувствую себя как товар на полке магазина, при этом слежу, за безразличным телом перед собой. За тем, как он тянет носом, словно, чтобы удостовериться в правдивости слова моего папы. За тем, как он медленно поворачивается к своему отцу и, поджимая губы, кивает.

– Но я хочу сделать всё без чаши, – усмехается Дамиан, возвращая внимание ко мне и наблюдая, как мои глаза расширяются.

Коротко мотаю головой, но всем вокруг абсолютно всё равно на этот жест. Перевожу глаза на отца, в надежде, что хотя бы он остановит это безумие, но родитель лишь делает шаг в сторону.

Дамиан делает шаг ко мне, а я шаг назад, продолжая мотать головой.

– Нет. На такое я не подписывалась, – дрожащими губами шепчу, но тут же вскрикиваю от неожиданности из-за того, что меня кто-то хватает сзади, больно сжимая предплечья.

– Я ведь сказал тебе, делать все, что скажут, – рычит отец в мой затылок.

Хочу разрыдаться. Особенно осознавая, что все мои тай-

ные мечты об отцовской любви – фальшь и глупость. Он ведь просто выращивал меня подобно растению в оранжерее, а я, хоть и глубоко внутри себя осознавала это, сейчас точно поняла одну простую истину: ему всё равно, что со мной делают, главное, чтобы заплатили.

Дэвис-младший в несколько ленивых шагов подходит максимально близко, хватая меня за запястье, и только в этот момент, отец отпускает мои плечи.

– Оставьте нас, – тихо говорит Дамиан.

Я надеюсь, что хоть кто-то из них воспротивится этому, но и миссис Дэвис и старшие Альфы молча уходят.

Смотрю в синие глаза, что прожигают меня отвращением, не в силах отвлечься, будто если моргну, то пропущу слишком важный момент и пытаюсь выдернуть свою руку. Дамиан же тянет её к себе, оттягивая манжет белоснежной кофты, который до боли впивается в руку, а мне остаётся только наблюдать, как его пухлые губы касаются тонкой кожи, под которой по венам со скоростью света гуляет кровь.

– Я могу сделать это грязнее, – ухмыляясь, тянет он, наклоня голову вбок.

Теперь моя очередь скривиться. И ему это, судя по всему, не нравится, потому что пальцы крепче сжимают запястье. Я скулю, ощущая, как под его рукой уже появляются синяки. Да, они пройдут за несколько часов, но больно уже сейчас.

Хочу оттолкнуть его, но не могу даже пошевелиться, а затем... сдаюсь, обмякая, позволяя его зубам вонзиться в мою

плоть.

Резкая боль простреливает всё тело, хотя эпицентр не такой уж большой; колени слегка подгибаются, но я удерживаю себя на месте, пока этот монстр с каким-то ужасным наслаждением разрывает мою руку. Всё длится не более нескольких секунд, после чего Дамиан выпускает меня из захвата.

Сразу прикладываю к ране вторую ладонь, в попытке заглушить жжение, но не отвожу злобного взгляда от Альфы. Мы оба знаем, что и я должна взять его кровь.

– Окружающие умирали и за меньшее, – угрожающим рыком произносит он, вновь сокращая между нами расстояние. – За то, как ты смотришь, можно сделать многое.

Его огромное тело нависает надо мной. Я вновь слишком отчётливо вдыхаю его аромат, но, видимо, из-за злости и боли, он больше не опьяняет меня. Наоборот, распаляет мою ярость ещё больше.

– Попробуй сделать хоть что-нибудь, – шиплю в ответ.

И тут же вскрикиваю, когда Дамиан одним резким движением хватает мои волосы на затылке, оттягивая их вниз. Запрокидываю голову, продолжая смотреть на него, но на месте злости приходит страх, когда я вижу, как его синие глаза заливаются серебристым светом, становясь цветом металла.

– Как только ты выполнишь свою функцию, я обязательно покажу тебе всё на что хватит моей фантазии, – рычит он.

А затем я даже не успеваю уловить момент, когда он надкусывает собственную ладонь и прикладывает кровоточа-

щую рану к моим губам. Вжимает руку так плотно, что у меня нет и шанса отодвинуться, а металлический привкус растекается по языку и глотке. Но его кровь словно с каким-то другим вкусом. Это нотки разочарования и безысходности. Моей.

– Запомни этот вкус: это последний раз, когда ты пробовала кого-либо. Потому что с этого момента ты – моя собственность.

Глава 4. Выбора нет

Верити

С ног до головы опоясывает отвратительное, мерзкое чувство, будто меня облили грязью. Уже пятнадцать минут, которые мы сидим в машине и едем домой, я то и дело растираю кожу на руках, шее, лице. Мне все еще кажется, что я чувствую обжигающее дыхание Дамиана на себе и это дико нервирует.

– Ты показала себя не с лучшей стороны, – подает голос отец, впервые с того момента, как мы вышли из особняка Дэвисов, при этом презрительно дергает верхней губой.

Бросаю на него злобный взгляд, даже не пытаюсь объяснить, что место укуса этого чудовища всё еще болит, хотя обычно все проходило гораздо быстрее. Мой отец все равно не захочет это слушать. А еще я ощущаю, как меня буквально лавиной накрывает злость на своего родителя.

Отворачиваюсь к окну и заставляю себя не шевелиться. Молчать, думать о чем угодно, главное – не о голубых глазах, в которых горит пламя, почти буквально. Единственное, о чем жалею – что не сказала, что наша ненависть взаимна.

Когда машина останавливается возле нашего дома, я сразу выхожу. Плевать мне что подумает отец, и как сильно он будет недоволен.

Влетаю в дом со скоростью смерча и даже натыкаясь на матушку, прошмыгиваю мимо нее.

– Верити! – летит мне в спину.

Перепрыгивая через ступень, поднимаюсь на второй этаж и как только оказываюсь в своей комнате, запираю дверь на замок. Со скоростью света скидываю с себя всю одежду, а затем так же без промедления лечу в душ. Есть стойкое ощущение, что мне нужно помыться. Смыть с себя чужой запах и отмыться от липкого страха, что вызывает этот монстр.

Только вот ни десять минут, ни двадцать, под горячими струями не помогают мне. Даже в звуке капающей воды я слышу его рык, а глядя на металлический диск тропического душа – я вижу его глаза. И именно в этот момент меня посещает мысль: мне нельзя выходить за него. Я не хочу. Не буду.

Из ванной выхожу в растерянности. С одной стороны, я очень не хочу вызывать недовольство отца, а с другой... он меня убьет. Действительно убьет и это уже ничерта не фигура речи.

Поток наступающей истерики перебивает стук в дверь. Даже не открывая, я знаю, кого увижу за ней, а потому молча иду и впускаю в комнату мать.

– Ну как все прошло? – ее лицо серьезное, почти хмурое и это означает лишь одно – от отца ей уже прилетело.

– Ты ведь знаешь ответ, – роняю на тяжелом выдохе, отходя к шкафу и доставая из него вещи.

– Отец недоволен, – ровно констатирует.

– Не сомневаюсь, – фыркаю, натягивая домашние штаны и майку. – Он чудовище, мам. Он прокусил мне руку, и она до сих пор болит.

Словно в доказательство протягиваю ей запястье, но, естественно, на нем не осталось ни следа. Следа – нет, боль – есть.

– Это просто невероятный шанс, Рита, – качая головой причитает мама. – Они богаты, их уважают и под их защитой ты будешь как сыр в масле кататься.

Хмурюсь, глядя на то, с каким воодушевлением матушка в очередной раз заливает мне одну и ту же речь. Будто ее кто-то заставил ее выучить.

– А кто меня защитит от них? – спрашиваю шепотом. Практически беззвучно, но мама со своим слухом по-любому меня слышит.

– Если будет метка, то тебе не навредят, – режет коротко.

– А если не будет? – на моих глазах наворачиваются слезы, от простого осознания: я в заднице.

Матушка молчит, поджимая губы, а затем разрывает расстояние между нами и обнимает меня. С ног до головы окутывает чувство безопасности, когда она вот так близко и прижимается ко мне. Мне, пожалуй, больше ничего и не надо.

Но все рассыпается прахом, стоит ей отстраниться и держа меня за плечи тихо сказать:

– Практически каждая из нас это проходит. Метка – редкость, дар. А все, кто его лишены, вынуждены мириться с

реальностью, Верити. И ты – не исключение.

А после оставляет на моей влажной щеке невесомый поцелуй и бесшумно выходит из комнаты.

Я словно погружаюсь в транс, из которого ничего не вижу и не слышу. Только собственное сердцебиение и слишком четкая мысль, что это конец. Мне или моей спокойной жизни – понятия не имею. Но это точно он.

Не знаю зачем, но будто мне нужно подтверждение моих мыслей, я срываюсь к столу и включаю ноут. Перед глазами все еще плавает рисунок метки на руках его родителей, и я открываю поисковик. Вбиваю “все о метке” и начинаю читать.

Я действительно никогда этим не интересовалась, потому что даже несмотря на истории девочек из пансиона, мне это казалось чем-то за гранью реальности. Несуществующим. Возможно, свою роль сыграли отношения моих родителей, между которыми не то, что метки, а даже капли уважения не было. Ну, если не считать, что мать всю жизнь трепетала перед отцом. Потому-то я и не думала, не рассчитывала, что когда-нибудь сама буду проходить этот обряд.

Место укуса на этой мысли начинает нещадно саднить из-за чего я чешу его, правда, отдергиваю сама себя.

– Метка. Истинные узы, которые связывают двоих. Для всех окружающих – это обруч на руке, но только двое видят линии, идущие от него, – бормочу себе под нос, читая первую попавшуюся статью. – Метка нерушима, а если умрет

один из пары, то и второму не жить.

Содрагаюсь всем телом.

Вот и зачем я это читаю, спрашивается? Шансы, что мы с этим чудовищем истинные – равны нулю. Мне же просто нужно избавиться от помолвки.

Шестеренки в голове начинают работать со скоростью света, когда я размышляю как это можно сделать и мне не приходит ничего более умного, чем... черт, мне просто нужно запятнать себя. Я грязная Дамиану не нужна. Вот и всё! Проблема решена.

Вскакиваю с места полная уверенности что нашла самый гениальный способ разорвать помолвку и в этот момент в голову приходит мысль, что, скорей всего, после этого отец откажется от меня и запрет в подвале. Выгнать он не выгонит, ведь я по-прежнему останусь омегой, но зная его фантазию...

Ну вот получается у меня есть выбор: терпеть унижения от папы или от незнакомого парня, который в достаточно широких кругах прославился как жестокий и беспощадный.

И да, я выбираю первое.

Глава 5. У неё нет выбора

Дамиан

– И как она? – усмехаясь спрашивает один из близнецов-альф.

– Раздражающе, – презрительно закатываю глаза, как только вспоминаю эту мелкую сучку.

Тим – второй из близнецов, который все это время тупо молчит – вдруг выдает смешок. И он очень похож на издательский.

– Даже представить не могу, под каким предлогом ты согласился, – роняет он.

Эти двое – единственные, кого я подпустил к себе близко, просто потому что мне сложно представить более достойных, чем полукровки, что выгрызли себе путь в альф. Это произошло не так давно, но я до сих пор помню, сколько крови пролилось, когда братья решили бороться. С другими хищниками, с системой. И теперь они на верхушке, где их уважают. В том числе я.

– Единственная причина, по которой я согласился – моя мать. Она не спрашивала, – усмехаясь, поднимая голову и отпивая из бокала виски. – А ну и тот факт, что она омега.

– Серьезно? А че ты раньше не говорил? – Сэм буквально за секунду взъерошился.

– Сам узнал за час до их приезда, – отмахиваюсь, наблюдая, как длинноногая брюнетка усаживается на колени Тима и слишком сладко гладит его по темным волосам.

– И почему про нее раньше не говорили? – озадаченно тянет Сэм.

– Ее похоже в подвале держали всю жизнь, – хмыкает Тим, запуская свой язык в рот телке.

– Там ей и место, – фыркаю. – Ее либо трахать, либо держать в подвале. В остальном – бесполезная безделушка.

Парни одновременно ржут несмотря на то, что Тим все еще проводит анатомический разбор полости рта у шкуры, а Сэм уже отвлекся на ноут. Видимо ищет информацию, про семью Нави.

Да, на самом деле странно, что такая громкая фамилия ни разу не засветила, что их потомок с таким геном. Очевидно, Филипп приложил немало усилий, чтобы его дочь сохранилась до определенного возраста, но единственной его ошибкой было отдать эту феечку мне. Ибо уж мне точно не нужен такой балласт, но и ему, я так понимаю, абсолютно до лампочки, что с ней будет после того, как соглашение состоится. Ведь мои предки готовы выложить слишком много, за такую необычную щель, как эта.

Прошло почти пол дня с момента, как я укусил ее, а во рту до сих пор стоит привкус ее крови, который не перебивается даже алкоголем. Противный, жгучий и до дрожи надоедливый. Впрочем, как и вся она.

Единственное, чего я поистине жду – момента, когда она поймёт, какой ад ее ожидает. Вот тогда-то вся спесь слетит с нее и больше не останется желания показывать зубы там, где их могут выбить.

– Ты чего завис? – диван с правого бока от меня прогибается и только в этот момент я поворачиваюсь, наблюдая лицо Сэма.

В моменте ловлю странное ощущение, будто одного человека и там и тут показывают, ведь напротив сидит точно такой же, но ему девка уже в штаны руку запустила, а вот тот, что рядом более... отдаленный. Если так вообще можно сказать про хищника. Сэм единственный в нашем роде, кто максимально спокойный. До поры до времени, конечно, но все же.

– Задумался, – встряхиваю головой, ощущая, внутри странное чувство.

Появляется непреодолимое желание почесать за ребрами, руки и шею. По венам словно кипятилок запустили, но быстрая регенерация не дает им расплавиться и от этого все зудит. Встаю, разминая и потирая запястье. Это дико раздражает, а главное – непонятно. Ничего такого прежде не испытывал.

– Дам, ты норм? – голос у Сэма озадаченный настолько, что даже Тим отрывается от своего занятия и переводит взгляд на меня.

Повисает тяжелое молчание, пока три пары глаз таращатся на меня, а я тем временем ловлю ощущения, будто на мо-

ем запястье затягивают огненный узел. Поднимаю руку и тупо наблюдаю, как на том месте, где горит, вырисовывается сначала еле заметный след, который с каждой секундой становится все темнее, практически выжигая вокруг себя мои татуировки почти на сантиметр...

– Еб... – практически беззвучно комментирует Тим, а затем скидывает с себя девку и поднимается, чтобы подойти.

В ушах стоит звон. Только вся сущность хищника вдруг встает на дыбы и срабатывает подобно компасу. Я слишком четко ощущаю, как хочу туда, где она. И да, я понимаю, что тянусь к ней.

– Сука... – выдыхаю, прикрывая глаза.

Пытаюсь противиться этому позыву, но стоит только слегка натянуть внутренний поводок, как все тело простреливает острая боль.

Распахиваю глаза и не говоря ни слова разворачиваюсь, покидая частный клуб. Свежий воздух на улице обжигает легкие. От него не становится проще, наоборот, будто оказавшись на несколько метров ближе, я срываюсь еще сильнее. Размашистым шагом иду к внедорожнику и залетаю в него так, что он покачивается, а когда хлопаю дверь – дрожат стекла, но мне похер. Не могу объяснить почему я так зол: из-за метки, из-за мелкой сучки или из-за того, что истинность проявилась именно на ней. Ощущение, словно от всего и сразу. Накрыло лавиной так, что зубы крошатся.

Выжимаю педаль газа, сворачивая на поворотах со сви-

стом, повинуюсь исключительно внутреннему компасу. Когда останавливаюсь напротив какого-то бара, все нутро сначала успокаивается, а затем начинает долбиться новой силой.

Мне уже не нравится место и запахи вокруг, потому что тут сплошной гнилой алкоголь и похоть, а еще плюс осознание, что мелкая дрянь где-то здесь... ген пробуждается несмотря на то, что я пытаюсь его сдерживать.

Врываюсь в помещение, когда кажется, из носа пар идет. Прямой наводкой пружу, опираясь исключительно на свои чувства и уже готов вынести дверь какой-то подсобки с ноги, когда она открывается и в проходе появляется нищая принцесса.

Ее голубые глаза расширяются, а зрачок практически закрывает голубую радужку. Губы приоткрываются, и я слышу, как в ее легкие со свистом заходит воздух.

– Я не... – начинает она.

Улавливаю движение за ее спиной, а когда отрываю свои глаза от ее, то сталкиваюсь взглядом с другим. Мужским. Альфа.

– Добрейшего вечерочка, Дамиан, – усмехается ублюдок, которого я и без других вводных готов убить.

Резко дергаюсь в его сторону, но не успеваю ничего сделать, потому что в мою грудь упираются ладони.

– Не надо... – дрожащим голосом произносит Рита, пытаюсь заглянуть в мои глаза.

Цепляюсь пальцами в ее шею, сжимая. Ген почти полностью покрывает разум и я, честно, готов убить ее на месте, потому что ощущаю на ней его запах. И мне не сложно понять, что здесь происходило, хотя, судя по ее состоянию, до самого грязного всё-таки и не дошло. Но мои пальцы будто отказываются сжиматься еще сильнее, замирая так, что ей хватает сил короткими рывками вытягивать кислород.

– Отпусти девчонку, – насмешливо бросает Кайл, но я вообще не обращаю на него внимания.

Оно всё сконцентрировалось в эпицентре ярости, где-то под ребрами.

– Ты поедешь со мной, – рычу в лицо сучке и отшвыривая ее от себя иду к выходу.

Она пойдет следом. У нее нет выбора.

Глава 6. Вот и проверим

Верити

Я не смогла. Поехала в бар, в надежде, что смогу избавиться от клейма его невесты, но не смогла. Познакомилась с парнем, сама потащила его в подсобку, но дальше поцелуя не зашла. Просто словно что-то перемкнуло. А потом... все тело стало ломить так, будто из меня пытается кто-то выйти. Все было настолько ужасно, что даже Кайл начал переживать. Затем жгучая боль, вспышка, от которой меня вырвало на несколько секунд и вот на моем запястье метка. Как кандалы, которые не ощущаются тяжелыми физически, зато морально давят похуже любых цепей.

И я уж точно не ожидала, что стоит мне открыть дверь, как передо мной появится Дамиан. Злой, как зверь. Хотя, почему как... Не знаю как такое возможно, но я словно сама проживала его эмоции и, скажу честно, мне не понравилось. Будто во мне, кроме меня, есть еще кто-то и его раздирает от противоречий.

Его пальцы на моей шее смыкаются все сильнее, но сокращаются, словно и его разрывает надвое. Тем не менее, мне тяжело дышать. Практически нечем и перед глазами пляшут черные мушки.

И вот, наконец, Дамиан, приближаясь рычит в мое лицо:
– Ты поедешь со мной, – а затем откидывает меня в сто-

рону.

Сажу на полу, упершись спиной в стену. Чувствую, как к горлу подступает тошнота и паника. Меня трясет, а все тело покрылось ледяной испариной. Я до боли в костях не хочу идти за ним, но знаю – на каком-то внутреннем чутье понимаю – что, если не сделаю этого – будет хуже.

Поднимаюсь, опираясь на стену, бросаю короткий взгляд на Кайла, который смотрит на меня поджав губы и даже его светлые волосы не помогают ему выглядеть ярче: весь его вид говорит, что мне – конец. Но он и не пытается как-то помочь. То ли дело в том, что они с Дамианом, судя по всему, знакомы, то ли в том, что на мне метка истинности. Его метка.

На негнущихся ногах пробираюсь к выходу и как только выхожу на улицу, но ноздрям бьет запах ярости. Первобытной. И мне даже не надо оглядываться, чтобы понять откуда он исходит. Веду головой в сторону, на эту волну, которая вот-вот накроет меня с головой и плетусь к огромному черному внедорожнику. Сажусь на переднее пассажирское и сразу же, как только закрываю дверь, вжимаюсь в нее, будто она сможет спасти меня от него. Паника новой волной подкрадывается быстрее, чем я успеваю подумать.

– Дамиан, отвези меня домой... – еле слышно шепчу.

Он медленно переводит на меня взгляд, усмехается и ничего не отвечает, но мне и так все понятно. Не отвезет. И когда машина со свистом срывается с места, осознаю – да,

я права.

Из-за слёз и первобытного страха я даже не различаю дороги. Есть только я, салон авто и он, сидящий за рулём, от которого исходит такая бешеная энергетика ярости, что открыть рот – значит подписать себе смертный приговор.

Мне не хватило часа. Максимум двух. И тогда я была бы свободна от этих пут, которыми нас пытались связать. Вот только появилось маленькое “но” – метка. И, возможно, сейчас надо думать о том, куда Дамиан меня везёт и зачем, но я тупо жалею себя. Даже не различаю сколько проходит времени, просто периодически поглядываю на часы.

Пять минут. Пятнадцать. Двадцать. Полчаса.

Ещё через десять минут внедорожник тормозит у большого дома, который в ночи кажется готическим, но это не их родовое поместье. Дамиан молча глушит движок, выходит из машины и молниеносно обходит её. Открывает дверь, а в следующую секунду я чувствую жгучую хватку на своём предплечье и практически вылетаю из салона.

Он идёт к дому так быстро, что я не успеваю за ним, то и дело спотыкаясь, а почти у самой двери он волочет меня по земле. Ноги обжигает от царапин, которые оставляют мелкие камушки, я скулю, но ему всё равно.

– Отпусти меня, – голос срывается на рыдания. – Отпусти же, – брыкаюсь.

Дамиан останавливается, расцепляет пальцы, а я остаюсь лежать на земле. Протяжно выдыхаю, действительно веря,

что он оставил меня в покое, но – будто я много прошу у вселенной – Дамиан присаживается на корточки, резко хватая меня за волосы, натягивая их до предела. Настолько, что слёзы новым потоком рвутся из меня.

– Заткнись, пока я не прибил тебя, – рычит в моё лицо. – Ты ведь этого хотела, там, в баре. Хотела, чтобы тебя кто-то трахнул, забытая наследница. Так я тебе с этим помогу, – припечатывает с самодовольной ухмылкой.

А затем встаёт, не отпуская моих волос, и уже за них, за-таскивает меня по ступеням.

Бормочу что-то несвязное, прошу отпустить меня и одновременно хватаюсь за его запястье, пытаюсь подтянуться, но руки словно мне не принадлежат.

Ничего больше мне не принадлежит. Даже я сама.

В какой-то момент стоит нам попасть в дом, от моих брыканий меня ведёт, и я встречаюсь головой с косяком двери. В глазах темнеет, но я быстро прихожу с себя, стоит только почувствовать что-то мягкое под собой.

Шире распахиваю глаза, наблюдая Дамиана, который растёгивает пуговицу и молнию на своих штанах. Паника новой, ещё более оглушающей, волной накатывает на меня, и я пытаюсь отползти назад, но его крепкие пальцы мёртвой хваткой впиваются в мои лодыжки и дёргают на себя.

– Ну куда же ты, Инфанта, – оскал с его лица не сползает. – Я лишь выполняю твоё желание, – рычит, наклоняясь к моему лицу.

А затем его пальцы перемещаются с одной ноги на вырез блузки и резко дёргают. Пуговицы со звоном разлетаются в разные стороны. И этот звук похож на похоронный марш.

По телу проходит нервный импульс, из-за которого я тут же прикрываюсь рукой, когда прохладный воздух касается кожи и груди, но Дамиан не даёт мне закрыться. Его рука ментально обхватывает моё горло, сжимая и вынуждая меня обеими руками ухватиться за его запястье. Его взгляд уже давно не голубой. Он серебристый, глубокий и слишком тёмный. А то, что я чувствовала в машине ничто по сравнению с тем, что ощущаю сейчас. Кажется, он на грани от того, чтобы убить меня.

– Или это сделаю я, или я позову своих друзей, и такая честь достанется им, а после я заживо сниму с твоей руки эту метку и избавлюсь от тебя, как от той, кто испачкал свою и мою честь, – слишком тихо произносит у моего уха.

– Если умру я, то умрёшь и ты, – хриплю, когда хватка становится сильнее.

– Вот и проверим, Благоверная.

А в следующую секунду его захват на моей шее ослабевает, но вместо пальцев в кожу впиваются зубы. Вскрикиваю, пытаюсь оттолкнуть его и плачу. Бесперывно рыдаю. Кажется, будто вот так для меня все и закончится. Здесь. Сейчас. И когда вторая его рука ведет по моим оголенным бедрам – дрожу, зажмуриваясь.

Зубы размыкаются, я чувствую теплую влагу там, где они

были, а стоит Дамиану отстраниться, вижу его окровавленные губы, которые он вытирает тыльной стороной ладони, при этом пальцы его второй руки уже обхватывают тонкое кружево под юбкой.

Снова зажимаюсь, задерживая дыхание.

И протяжно выдыхаю, когда за его спиной слышится слишком спокойный женский голос:

– Сын, нам нужно поговорить.

**Хочу познакомить вас с новинкой Литмоба!

"Клеймо зверя"**

Отдаться альфе – значит потерять себя или обрести всё.

<https://litnet.com/shrt/qduh>

Глава 7. Истинность – это не про слабость

Дамиан

Всё внутри сопротивляется. Я не хочу останавливаться, но и ощущать её страх я тоже не хочу. Не из-за сопливых сентиментов, а потому что меня бесит сам факт того, что это во мне есть. Её чувства накладываются поверх моих, будто мне мало и без того противоречивых ощущений. Злость, ярость, желание, животный ужас. А сейчас, стоило Рите услышать голос моей матери, её накрыло облегчение. И меня тоже, но и это не моё!

Нервно встряхиваю головой, прогоняя не свои чувства, отпускаю её одежду, но смотрю так, чтобы эта мелкая сучка понимала – ещё не все закончено. Медленно оборачиваюсь на голос матери и без слов выхожу из гостиной своего дома. Миную её фигуру и не обращаю внимания на её озадаченное пыхтение.

Оказавшись в кабинете, который находится в конце коридора, подхожу к столу и упираясь в него бёдрами жду, когда мать зайдет следом.

Меня всё ещё трясёт от злости, а ярость не прекращает плескаться по венам, но я стараюсь взять ситуацию обратно

под свой контроль. И теперь кроме всего прочего, мою кисть обвивает метка.

Мама ровной походкой заходит следом и не останавливаясь подходит ко мне, протягивая белоснежный платок, а затем спокойно говорит:

– Вытри кровь с лица.

Забираю кусок ткани и стираю с себя остатки моей ненаглядной, с досадой понимая, что мне нравится её вкус. Однако я действительно был на грани от того, чтобы её убить. Будь на её месте другая, более слабая хищница – уже бы не жила. Однако её оберегает не только ген, но и метка, которая, судя по всему, не дает мне отыграться на ней так, как я захочу.

– Что ты делаешь в моем доме? – спрашиваю хмуро, выкидывая платок в мусорное ведро. – Ты же знаешь, что сюда вам вход закрыт.

– Я приехала, чтобы обсудить свадьбу и твоего дядю, – мать усаживается на диван и смотрит на меня так, словно ничего необычного не увидела.

Но ведь это вообще не так. Для них я тот, кто умеет держать под контролем свои эмоции. Именно поэтому меня считают сильнейшим. Даже родители.

– Что с дядей? – шумно выдыхаю, закатывая глаза и наливаю в стакан виски, делаю глоток, пытаюсь заглушить металлический, сладковатый привкус.

– Он увеличил налоги, – отчужденно отвечает она, раз-

глядывая меня подобно экспонату на выставке, чем щекочет мои и без того оголенные нервы. – Отец сказал разбираться тебе.

Вопреки всем слухам, делами в нашей семье поистине заведует мой отец, но из-за своей метки с матерью, он ушёл на второй план, чтобы не подвергать её никакой опасности и выставил кандидатом в губернаторы дядю – своего младшего брата. Бету.

Я всегда считал, что метка и истинность – это слабость. Потому что отец отказался от власти, чтобы уберечь свою пару, но сейчас, оказавшись точно в таком же положении, понимаю – отец сам бы не отказался. Видимо, мать на эмоциональном уровне сделала всё, чтобы он поступил именно так. И если с годами эта связь растёт, то я просто представить не могу, как они живут с этим. Это убого. Мерзко. И до чёртовых ебеной раздражающе...

А разбираться с выкрутасами дяди мне, потому что я единственный – после отца – кого Нейт боится. На остальных смотрит настолько свысока, что хочется рассмеяться в голос, ведь по факту, без защиты папы, Нейта бы давно разорвали на мелкие кусочки, красочно развесив их по периметру города.

– Разберусь, – делаю большой глоток, но её вкус никуда не девается.

– Что бы ни произошло у вас с Верити – не делай опрометчивых шагов, – резко перескакивает с темы мать, но при

этом тон её не меняется. Мне кажется, он за всю мою жизнь у неё ни разу не менялся. Сталь и власть в чистом виде. — Она должна дожить до свадьбы и родить наследника.

— У меня больше нет выбора, — хмыкаю, подсвечивая матери другую руку, на которой как бельмо на глазу вырисовывается метка.

На секунду лицо мамы становится удивленным, а тёмные брови равняются с линией волос, но в другое мгновение она снова становится нечитаемой.

— Это хорошая новость, — кивает, прикрывая глаза и еле заметно улыбается пластиковой улыбкой.

— Мы ведь оба понимаем, что это не так, — закатываю глаза, ощущая приступ ярости и швыряю бокал в стену из-за чего он разлетается на мелкие осколки.

— Ну почему же, — встает, подходит ближе ко мне и взяв мою руку в свою, разворачивает её ладонью вверх. — Видишь? — указывает пальцем на едва заметный зазор между концами метки. — Это здесь, потому что Рита не приняла метку.

— То есть у неё выбор присутствует, а у меня нет? — хмыкаю.

— Она омега, Дамиан, — будто глупому ребенку говорит, цокая языком. — Хочешь ты того или нет, но у неё больше прав и в ней больше сил, чем у тех шлюх, которых ты таскал в дом. Но если она не примет её, то, скорей всего, умрёт.

— И я вместе с ней, — договариваю очевидное.

– Возможно, у тебя получится выжить. Но если она примет... – мать отпускает мою руку и укладывает свою ладонь на мое лицо, вынуждая посмотреть ей в глаза. – Если она примет её, то вы будете сильнее кого-либо Дам. Истинность это не про слабость.

– Отец с тобой бы поспорил, – усмехаюсь, отстраняя лицо от ее касаний и обходя стол, сажусь в кресло. – Он ведь из-за тебя отказался от поста.

Мама хмыкает, качая головой, а затем широко улыбается.

– Он отказался от него не из-за меня. А из-за тебя, Дамиан, – упираясь пальцами в столешницу, наклоняется ко мне, разбивая все мои знания и все убеждения одной единственной фразой. – Когда ты родился все хищники в радиусе нескольких метров склонились, а люди побелели от чувства паники. Уже тогда было понятно, что ты сильнейший. И если омега даст тебе наследника... – она не продолжает, лишь ухмыляется, но я и так понимаю к чему она ведёт.

– Мне даже дышать рядом с ней сложно, а ты предлагаешь мне влюбить её в себя?

– Нет. Я предлагаю тебе, не оставить ей выбора. Пусть думает, что сама пришла к этому. Пусть считает, что у неё достаточно полномочий выбирать. Однако теперь тебе надо быть осторожнее: как только всем станет известно про метку, первая на кого начнется охота – она.

Смотрю в глаза матери, где уже вовсю горит хищный блеск и понимаю: как бы мне ни хотелось – она права. Мне

нужно чтобы моя благоверная была в безопасности, рядом. Значит, с этого момента мелкая сучка будет привязана к моей ноге. Или в подвале.

Несу вам новинку Литмоба

**Миранда Шелтон
 "Альфа. В плену его ненависти"**

<https://litnet.com/shrt/44tV>

Глава 8. Слабая точка

Верити

Он ушел, а я все еще чувствую его руки на себе, его горячее дыхание, обжигающее кожу, но больше всего свою собственную безысходность. И зачем я вообще поперлась в тот бар? И дело не сделала, и дров наломала... а если отец об этом узнает...

Зато теперь я с полной уверенностью могу сказать: я не хочу этой свадьбы. Я не хочу связывать себя узами с этим монстром и плевать мне на то, что появилась метка. Если придется, я вырежу ее.

Судорожно, трясущимися пальцами собираю оставшуюся ткань рубашки по своим плечам и натягиваю сильнее, чтобы прикрыться, но даже так по телу гуляет ледяной озноб и что-то мне подсказывает, что дело вовсе не в том, что мне холодно.

Я боюсь. Дико боюсь и не могу это никак контролировать, а из-за этого я теряю контроль над своим запахом. Почти физически ощущаю, как это происходит и тут до меня доходит: в баре было то же самое, но ни Дамиан, ни Кайл никак не отреагировали. Почему?

Дрожь с новой силой проходит по телу, отчего я притягиваю ноги к себе ближе, утыкаясь подбородком в колени.

Я пытаюсь себя успокоить. Хотя как-то навести на мысль, что все не так печально, как может показаться, но раз за разом проваливаюсь. Потому что кроме своего ужаса я все так же чувствую злость Дамиана и... его желание. Черт... это не было похоже на то, как описывают в романах и показывают в фильмах. Это чистейшая потребность обладать. Забрать свое. И от этого только больше жутко.

– Твое счастье, что в доме больше никого нет, – из прохода в комнату слышится громовой голос, из-за которого я тут же вздрагиваю. Низкий, вибрирующий, угрожающий. – Иначе бы уже все сбежались на твой фан.

Молчу. Глушу слезы, которые опять подступают к горлу и еще плотнее прижимаю ноги. Я не хочу больше с ним связываться. Не хочу разговаривать и спорить. Видеть его не хочу.

– Поднимайся, – басит уже над моей головой и обдает меня волной желания, от которой внизу живота собирается тугой болючий ком.

Черт. Черт-черт-черт! Да как это мать вашу работает?!

– Поверь, я тоже не рад такому раскладу, – усмехается, словно читая мои мысли.

И вдруг осознаю: я не сдерживаю запах, он реагирует на него, а я ведь чувствую не только свои эмоции, но и его. А волна желания – его реакция на мой запах. Мы так и будем вспыхивать друг за другом? Это когда-нибудь прекратится?

– Поднимайся, – давит тоном, давая понять, что в третий раз он повторять не будет.

И я встаю. Когда Дамиан разворачивается, направляясь к выходу из комнаты – иду за ним. Я готова быть самой послушной, лишь бы он отвез меня домой, но вопреки всем моим желаниям, альфа поворачивает в сторону витиеватой лестницы, а не выхода.

– Куда ты меня ведешь? – мой голос надламывается.

– Покажу тебе твою спальню, – отвечает безэмоционально из-за чего я останавливаюсь, будто меня резко в пол закопали.

Мотаю головой и хотя он не видит этого, уверена, понимает мой протест.

Дамиан тормозит посреди лестницы. Наблюдаю, как его плечи медленно поднимаются на глубоком вдохе, а затем также медленно опускаются, когда он с шумом выдыхает.

– Неужели ты думала, – поворачивается ко мне и делает шаг, полностью забирая мое личное пространство, не давая даже шанса шагнуть назад, потому что я стою на краю ступени, – что ты сможешь свободно разгуливать по городу, нося на своей руке мою слабую точку? – темная бровь насмешливо вздергивается, когда он смотрит на меня сверху вниз.

Его голубые глаза в обрамлении густых, темных ресниц гипнотизируют. Дамиан и без того высок и крупный, а вот так, на ступень выше, вообще пугающий. Забирает себе последние крупинцы свободного воздуха. Заполняет своим запахом и присутствием каждую клетку моего организма. Метит, даже ничего при этом не делая.

– Ты стала моей еще утром, когда мы прошли обряд, а это... – резким броском цепляется в мое запястье и поднимает его на уровень глаз. – Считай это гарант того, что тебе никуда не сбежать, Инфанта. Я почувствовал тебя через полгорода и уверен, почувствовал бы еще дальше. Так что не пытайся бежать. Ты сделаешь себе только хуже. Смирись.

Последнее слово звучит как приговор. Окончательный и не подлежащий обжалованию. Последний гвоздь в крышке моего гроба.

А я смотрю на свою руку и не могу отвести глаз. Будто мое тело меня подвело. Вся моя сущность меня предала, когда связала с ним. От его пальцев, сжимающих мое запястье горит кожа. Меня злит само его присутствие, но вместо ярости, которая должна разжигать мое нутро я чувствую... беспомощность. И снова предательские слезы собираются в уголках глаз.

Дыхание напротив меня становится тяжелее, а хватка только усиливается. Пытаюсь понять, что происходит, но, прежде чем удастся поднять глаза и посмотреть на Дамиана, ощущаю толчок. И вот я уже прижата лопатками к стене, а у шеи проходит горячее дыхание. И снова его желание. Это чертово необузданное желание.

– Прекрати, – рычит он, сжимая мою руку и прижимая ее над моей головой. – Начни это контролировать или в следующий раз тебе настолько не повезет.

От вибрации его голоса по венам разливается жар, ноги

сами по себе сжимаются плотнее, а с губ срывается выдох, больше похожий на стон.

Это... дико.

Дамиан усмехается, отпуская меня и ловит своим взглядом мой. Вынуждает смотреть в его глаза. На ментальном уровне заставляет это делать.

– Спальня, Верити. А завтра сюда перевезут твои вещи. Я не принимаю здесь гостей, поэтому оставь встречи с родственниками где-то в другом месте, – медленно, с расстановкой проговаривает мой палач. – Ах да, есть одна единственная маленькая оговорка – с этого момента ты покидаешь этот дом, только в моем сопровождении.

Знакомимся с новинкой Литмоба

Елена Арматина

“Альфа. Не смотри в глаза”

<https://litnet.com/shrt/rtwL>

Глава 9. Золотая клетка

Верити

Мне выделили комнату. Шикарную комнату, которая почему-то несмотря на все свое роскошество кажется мне клеткой. Золотой.

Уже несколько дней я смотрю на различные современные картины на холсте, глажу пушистый ковер, “наслаждаюсь” шелковым постельным бельем и просто хожу из угла в угол. Да, мне привезли вещи, как и сказал Дамиан. Но тот факт, что я не могу сделать шаг за порог этого дома, даже когда он уезжает куда-то — изводит меня.

О, я пыталась уйти. Хотя бы просто выйти во двор, но мне не дают. На входе всегда стоит пара бет, которые при моем появлении принимают вид статуй. Ноль эмоций, ноль движений. Ровно до момента, пока я не подхожу к двери. И каждый раз я смотрю на них: на то, как качают головой в знак протеста, как в их глазах плещется непоколебимость и мне хочется их ударить. Однако я так этого и не сделала, просто потому что понимаю: они тут не при чем. Если кого и бить, так это чудовище.

Дамиан же лишь изредка появляется в поле моего зрения, хотя я часто слышу его через несколько стен. А еще он даже сел со мной за один стол. Правда, напротив и достаточ-

но далеко, но соизволил. Сказал, что ребята приставленные ко мне – единственные кто способен выстоять против того, как от меня “фонит”. При том говорил об этом поморщившись. Урод. Но и я не волнуюсь, когда Дамиана нет. Благо, они уходят, когда приходит он. Или не благо. Не знаю. Я все чаще жду подвоха от его безразличия. Отчего-то есть стойкое ощущение, что этот монстр не будет так спокоен всегда.

Что касается метки... не знаю как у Дэвиса, но у меня она жутко зудит. До такой степени, что ярываю ее ногтями, только вот вопреки всем моим мечтаниям она вновь появляется на зажившей в миг коже.

Новый день. Новые метания по огромному дому в одиночестве и когда я уже готова начать выть стоя посреди широкого фойе – входная дверь перед моими глазами открывается.

Сначала мне кажется, будто в глазах плывет и человек, который входит сюда, как к себе домой, раздвоился. Но затем ощущаю непреодолимое желание склониться. И перед тем, как сделать это, краем глаза успеваю заметить, как моя доблестная охрана опускает головы.

Альфы. При чем оба. Понимаю это только из-за того, что ощущение опасности удваивается, когда они практически шаг в шаг подходят ближе. Затем ощущаю внутренний щелчок и поднимаю голову обратно тут же проваливаясь в две пары карих, почти золотых, глаз.

Черт, да они идентичны. Полностью.

Острые черты лица, в точности повторяющие друг друга; каштановые волосы небрежно “уложены”; пухлые губы, но единственное что их различает – небольшая родинка под глазом. У одного под правым, у другого под левым.

Понимаю, что смотрю слишком долго и слишком прямо, но и они разглядывают меня подобно экспонату на выставке.

– Добрый день, – прочищая горло все же подаю голос.

– Нихера необычного, – хмыкает тот, у которого родинка справа.

– А ты ожидал, что у нее на лбу будет надпись “привет, я омега”? – скептически косится второй.

– Ты с Сарой рядом стоял? – отвечает таким же тоном первый. – Эта, – кивок в мою сторону, – даже рядом не дышала.

– Я вообще-то еще здесь, – хмурюсь, глядя на них и откровенно поражаюсь такому открытому обсуждению.

Хоть бы в другую комнату ушли...

Только один из них открывает рот, чтобы что-то ответить, как дверь снова открывается и в пороге появляется Дамиан. Замирает, глядя на нас троих, из-за чего я ощущаю волну раздражения. Не моего.

Ребята все еще стоящие с опущенными головами, кажется, пытаются достать лбами до пола, но через пару секунд выпрямляются и ретируются из дома.

Я, кстати, не склоняюсь перед ним с того момента, как выпила его ядовитой крови. Видимо, метка еще в тот момент решила, что мне уже не надо так унижаться перед своим ис-

тинным.

Близнецы одновременно поворачиваются к Дэвису и хмыкают. Тоже в унисон.

– Вы рано, – басит Дамиан, проходя вглубь, туда, где находится столовая и в это же мгновение я ощущаю этот чертов внутренний поводок, который натягивается, стоит нам только оказаться под одной крышей.

Обычно у меня получается ему сопротивляться, но сейчас, будто Дам со своей стороны тоже тянет меня за ними. А я иду. Дико злая на это, но иду.

– Есть кое-какая инфа и предложение, – кидая на меня удивленный взгляд говорит один из братьев, усаживаясь на стул за огромным деревянным столом.

Второй идет к холодильнику, а Дамиан встает у “острова”, разделяющего зону готовки и обеденную. Подхожу к нему, потому что натяжение становится просто невыносимым и по заносчивому выражению лица понимаю: это реально делает он. Этот придурок пользуется нашей связью, как ему заблагорассудится!

– Инфа потом, сначала предложение, – бросает расслабленно, закидывая руку на мое плечо.

Пытаюсь ее скинуть, но пальцы крепко сжимаются, оставляя на коже следы, которые я чувствую даже под тканью рубашки.

– Давай и предложение потом? – встревает тот, который только что вылез из холодильника.

– Давай ты меня отпустишь, и вы нормально все обсудите? – рычу, цепляясь пальцами в столешницу и тем самым обращаю на себя все три пары глаз.

Дамиан усмехается. Но это такой смешок, от которого я понимаю – надо было молчать. Не, а чего он ждал, когда тащил меня за ними?

В этот же момент близнецы делают вид будто они мебель, а мой суженный опускает взгляд на меня. В голубых глазах полная отрешенность, но есть какой-то небольшой огонек, подсказывающий: “молчи. Что бы дальше ни произошло – молчи”.

И сразу следом меня обдает волной ярости, которая выливается из моих легких весь кислород. Внутренности пошатываются, а я чувствую, как теряю контроль.

Близнецы резко снова поворачивают головы к нам, но мне все равно. Я смотрю на Дэвиса, который странным образом все еще держит маску безразличия, при этом излучая нервозность и... желание.

– Можно я просто уйду? – спрашиваю одними губами, понимая, что бессильна.

Любое его дальнейшее действие только еще сильнее будет вышибать меня из равновесия, а это чревато последствиями. Особенно учитывая, что рядом еще двое альф.

И это осознаю не только я.

Пальцы на моем плече разжимаются, а поводок расслабляется и я, не теряя ни секунды, срываюсь с места, практи-

чески вылетая из столовой. Единственное, что успеваю уловить – мужское удивленное “это что за херня сейчас была?”.

В комнату залетаю со скоростью света, захлопывая за собой дверь. Прижимаюсь к ней спиной, стекаю вниз, усаживаясь на пол и пытаюсь успокоить трясущиеся руки.

– Черт... – рвано выдыхаю.

Когда это закончится? Когда я перестану так отчетливо чувствовать его? А у него все так же?

Мне плохо от этого. Внутри зарождается отвратительное ощущение, будто я – больше не я. Словно вторую личность подселили и она периодически появляется. Из-за этого каждый раз накатывает истерика и я, честно, готова сидеть в этом чертовом доме безвылазно, но главное – в одиночестве. Без него. Без его эмоций и чувств.

Это слишком больно.

К горлу подступает ком истерики, но, когда я слышу приближающиеся шаги за дверью – беру себя в руки. Насколько вообще это возможно.

Встаю на ноги, отхожу к кровати, так что, когда Дамиан без стука заходит в комнату, я уже стою к нему спиной. Не хочу видеть его. Не хочу знать, что написано на его лице. Хотя мне и не надо смотреть, чтобы знать. Я ощущаю это всё на своей шкуре.

Меня обдает прохладой и сладким парфюмом, а следом накрывает волна раздражения и все того же вожделения.

Сжимаю пальцы в кулаки, чтобы воспротивиться этому и

у меня получается. Потому что раз за разом гоняю в голове мысль: “он монстр. Это не твое. Это его”.

– Свадьба через неделю, – хрипит его голос над моей макушкой. – К тому моменту я придумаю, как контролировать твой косяк.

– Зачем? – Мой голос все же предательски дрожит.

– Здесь будет очень много народа. В том числе те, кто мне не друг. А мне не нужно, чтобы из-за моих эмоций ты каждый раз теряла контроль.

Резко разворачиваюсь, моментально натываясь носом на крепкую грудь, обтянутую черной рубашкой. Вздрагиваю от того, как близко мы находимся и крепче сжимаю челюсть.

– Я не хочу выходить за тебя, – давлю сквозь зубы. – Не хочу! – все же срываюсь, толкая его обеими руками, чтобы отошел от меня.

Но это не только не помогает, но и еще сильнее злит его. Резким движением Дамиан впивается рукой в мое лицо. Так сильно, что я чувствую его большой палец на своем зубе мудрости, пока остальные давят с другой стороны. Он наклоняется, оказываясь нос к носу со мной и злобно хрипит:

– Всем плевать, чего хочешь ты, Рита. Радуйся, что я не пользуюсь тобой так, как желаю. Твоя задница в тепле и спишь ты на мягкой кровати, а ведь я могу сделать все куда жестче.

– Так сделай... – злобно шиплю в его ладонь.

Прожигаем друг друга взглядами. Оба злимся. И это чув-

ство только множится с каждой секундой, а затем я ощущаю внутренний щелчок. Легкий. Едва заметный. Но из-за него Дам молниеносно убирает руку с моего лица, а в следующую секунду перехватывает мое запястье и рывком дергает, практически выкидывая из комнаты.

Ловлю чувство дежавю, когда он тащит меня силком. Коридор второго этажа пролетает так быстро, что я не успеваю понять, как уже почти кубарем скатываюсь с лестницы, больно ударяясь бедром о перила. Еще вспышка и еще одна лестница. Хлопок – я сижу на бетонном полу, вокруг темно и сыро. Жутко воняет плесенью и сладким парфюмом.

– Я пытался с тобой по-хорошему, – бросает Дамиан, прежде чем закрыть дверь, забирая из пространства последние крупинцы света.

Следующая новинка Литмоба

Ника Горская

“Каратель. Сопротивление бесполезно”

<https://litnet.com/shrt/9ill>

Глава 10. Вопреки здравому смыслу

Верити

Не знаю, сколько я здесь сижу, но за это время Дамиан приходил лишь один раз. Но не заходил внутрь. Просто находился за дверью. Я знаю это, потому что слишком чётко ощущала презрение наравне с бессилием. Причём не только моим. Он тоже в западне. В своей голове.

Организм уже продолжительное время бьёт тревогу, требуя воды, еды и света, но я не поддаюсь. Ни за что не попрошу его меня отпустить. Лучше уж умру на бетонном полу, окружённая сыростью, чем признаюсь ему, что мне плохо. А мне не просто плохо... каждую секунду моё сознание не покидает мысль, что я разваливаюсь. И дело, как оказалось, совсем не в том, что я заперта в темном подвале. Меня разрывает от обилия происходящего. Слишком много всего. Слишком ярко. Слишком не желанно.

Сворачиваюсь в клубочек, чтобы закрыть глаза и, наконец, поспать. Во сне всё это кажется нелепым сном, и я ловлю себя на мысли, что всё чаще мне не хочется просыпаться. Потому что хотя бы там нет этих голубых глаз, смотрящих на меня, как на насекомое.

Однако, стоит только немного провалиться в сон, как слышится скрипящий звук, которые издают петли на двери. Приподнимаю веки, пытаюсь сконцентрировать зрение на фигуре, появившейся в проходе, но из-за луча света в полной темноте, получается не очень. Глаза режет так сильно, что больно уже физически. Единственное, что удаётся приметить – передо мной не Дамиан. Слишком хрупкий силуэт.

– Вставай, Рита, пойдём. Отведу тебя в твою комнату, – звучит знакомый голос, но из-за полного опустошения мне не удаётся вспомнить, кому он принадлежит.

Не реагирую. Опять закрываю глаза, проваливаясь в темноту, сквозь которую чувствую лишь, как чьи-то руки касаются меня, а затем моё тело парит. Как в тумане ощущаются шаги и лёгкое пошатывание, а затем я погружаюсь во что-то тёплое и мягкое.

Когда вновь открываю глаза, натыкаюсь на тьму. Но не ту, что была в подвале: пространство освещается лунным светом из окна, а в воздухе витает свежий аромат и... сладкий. Веду головой в сторону, натыкаясь взглядом на Сару Дэвис. Она сидит в кресле у кровати, что-то записывает в небольшой ежедневник, но выражение её лица при этом отсутствующее, словно она находится не здесь. На столике около неё чашка, судя по запаху, с чаем, а ещё чуть дальше высокий стакан с водой. И глядя на него появляется непреодолимое желание почесать глотку. Так сильно саднит.

– Всё закончилось? – спрашиваю скрипучим голосом.

– Знаешь, твоему упрямству можно позавидовать, – качает головой, игнорируя мой вопрос. – Я, конечно, знаю, как действует метка, но впервые вижу, чтобы мой сын был настолько... не в себе, – хмыкает, из-за чего мне остаётся только догадываться, что именно это означало.

Отворачиваюсь, вновь упираясь глазами в светлый потолок, который за предыдущие дни мне казался мерзким и удушяющим. Сейчас же я безумно ему рада, хоть и ни за что не покажу эту радость.

– Из-за ваших склок свадьбу пришлось перенести ещё на неделю, – вдруг говорит Сара.

Боковым зрением улавливаю, как она встаёт с места, захлопывая свою книжку, и делает шаг к кровати.

– Перестань сопротивляться, Рита, – почти беззвучно роняет. – От этого союза вы оба выиграете.

Моргаю, в попытке смахнуть подступающие слёзы, но ничего не отвечаю. Мне сложно даже дышать, не говоря уже про разговаривать и шевелиться, однако ещё один звук заставляет снова повернуть голову.

В дверном проёме стоит широкая фигура. Я не вижу его лица, но чувствую его раздражение и запах. Мне не надо спрашивать, кто там, чтобы понять, к сожалению.

– Утром я приеду снова, – с нажимом говорит Сара, так что мне сложно определить, кого именно она об этом оповещает: меня или Дамиана.

– Нет. Вы оставите нас в покое, – без эмоций отвечает её

сын. – С сегодня и до свадьбы никого из вас здесь не будет, как и было прежде.

Нервный импульс бьёт по вискам, вынуждая меня поморщиться, и судя по тому, как дёрнулась голова Сары, до неё тоже дошла эта оглушительная волна. Как он так действует на окружающих?

– Уходи, – один короткий приказ, и его мать без вопросов говорит так, как он сказал, при этом даже не оглядываясь.

Поджимаю губы, отворачиваясь от Дамиана. Стараюсь выкрутить настройки своего организма на максимум, чтобы абстрагироваться от него и не принимать его эмоции за свои. Только вот все мои усилия разбиваются мелкой крошкой, как только Дам оказывается возле кровати. Жар его тела и его неугасающий голод сводят меня с ума. Вынуждают дрожать зажимываясь.

– Уйди, пожалуйста, – хнычу, не в силах выдерживать так много всего за раз.

– Не могу. Очень хочу, но, увы, – слишком спокойно отвечает, хотя я знаю, что от спокойствия там нет ни следа. – С этой минуты ты будешь всегда рядом. Ты научишься воспринимать всё это как данность. Потому что у нас есть неделя, чтобы научить тебя контролю.

– Ты сводишь меня с ума, – скулю, сжимая одеяло в кулаки, и говорю об этом совершенно не в хорошем контексте.

– Я знаю. Я ведь тоже тебя чувствую, помнишь? Но так уж вышло, что вариантов у нас нет, – практически выплёвывает

последние слова.

Очевидно, Дамиан не привык, что его загоняют в ловушку, а сейчас именно она и вышла. Если я за всю жизнь постоянно была разменной монетой и той, у кого не спрашивают мнения, то Дам... он свою жизнь держит в своих руках. Это ощущается и без метки: его уверенность так распространяется в радиусе нескольких метров, что только больной на голову, не поймёт кто стоит перед ним.

Но вопреки здравому смыслу, кроме страха я к нему испытываю ещё и ярость. Будто он своими руками вынудил меня к этому браку. Мне надо ненавидеть другого. Мне надо психовать на судьбу за истинность...

– Вставай. Тебе нужно в ванную, – басит он.

Хочу усмехнуться, но даже на это сил не хватает. Мотаю головой, давая понять, что измождена. Сильно. Только вот ему всё равно. И тому подтверждение раздражённый вздох.

А затем меня рывком срывают с кровати. Рвано выдыхаю, жду удара о пол, но вместо этого есть только невесомость. Такая же, как показалась мне в подвале. Распахиваю глаза, сразу же натываясь на острые черты лица и желваки, гуляющие под кожей.

– Я так больше не могу. Не хочу, – из груди в очередной раз вырываются рыдания, потому что рядом с ним, когда мы так близко, все чувства обостряются ещё сильнее. – Отпусти меня...

– Тебе нужно в ванную, – повторяет с напускным хладнокровием. – И если ты не хочешь делать этого сама, то это сделаю я.

**Приглашаю вас в следующую новинку Литмоба
Амалия Кляйн
“Волчара”**

<https://litnet.com/shrt/WciU>

Глава 11. Я слов на ветер не бросаю

Дамиан

Когда она так близко у меня выбивает предохранители. И, хотя я достаточно твёрдо держу себя в руках, её всё равно прошибает. У меня закрадываются подозрения, что её косячность не только в контроле, но и в способности делать из адекватных – неадекватных.

Она дрожит на моих руках, и эта вибрация проходит по всему моему телу. Рита снова фонит так, что меня плющит от этого, и я, чёрт возьми, не могу держаться так долго. Либо мы придумаем, как это восстановить, либо я закрою её в подвале ещё на неопределённый срок. Ведь когда она лежала там, практически высохшая физически и ментально, то не источала такую энергию. В какой-то момент я даже подумал, что она откинулась, пошёл проверить, но услышал её. И если бы не мать, которая словно почувствовала весь масштаб проблемы, происходящей здесь, то Рита просидела бы в подвале ещё долго. Умереть я бы ей не дал, но и мучать меня перестала бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.